

Далия
ТРУСКИНОВСКАЯ

МЫ, ДОМОВЫЕ

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Т77

Миры Далии Трускиновской

Трускиновская, Д.

Т77 Мы, домовые / Д. Трускиновская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 378 с. — (Миры Далии Трускиновской).

ISBN 978-5-521-74176-2

В тихих уголках наших квартир, под ваннами и на антресолях, живут загадочные маленькие помощники — домовые. У них свой уютный мир, свои проблемы, свои враги. Домовые живут по стародавним правилам, они жизнерадостны, честны и трудолюбивы, умеют дружить и любить, не терпят бездельников. Но жизнь в городе требует умения приспосабливаться, и они становятся автомобильными, автобусными и дирижабельными. Им даже приходится осваивать компьютер. Хотя это очень опасное занятие.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-74176-2

© Далия Трускиновская, 2020
© Т8 RUGRAM, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

СУМОЧНЫЙ	5
ХАЛЯВА	32
МОЛЧОК	70
ПУСТОБОРОД	136
ВИХРИ ВРАЖДЕБНЫЕ	176
ПРЕДОК	257
СВИСТ	287
ЧЕЛОБИТНАЯ	303
ПРОГЛОТ	340

СУМОЧНЫЙ

— Я, вот... по объявлению.

— Ах, по объявлению. Ну-ну...

— Ты здешний дед, что ли?

— Дедушка. А ты, стало быть, по объявлению. Ну, заходи...

Краткий этот разговор состоялся на антресолях прекрасной четырехкомнатной квартиры, как раз там, где, задвинутое чемоданами, имелось в стене отверстие для проводов от распределительного щита, а также телефонного и кабельного.

Надо сказать, что антресоли всякой обжитой квартиры немало поразили бы хозяев, ежели бы те вздумали однажды разобратся, какая такая старая рухлядь загромождает отверстие. И тут бы обнаружилось, что ненужное, казалось бы, имущество, преобразилось. Из запертого чемодана, к примеру, изъята старая декоративная наволочка, шерстяная, в фольклорном стиле, и сложена так, что стала диваном с подлокотниками. Маленькая банка с остатками краски, забытая пять лет назад после ремонта, накрыта чистой бумажкой и сделалась столом. Равным образом брезентовая рукавица, от того самого ремонта, прилажена к отверстию на манер шторы, чтобы не сквозило, и стоит наготове другая

банка с краской — загородиться, если вдруг пожалуют незваные гости.

Хозяин, домовый дедушка Феоктист Степаныч, впустил посетителя, но, так сказать, без излишнего энтузиазма.

А чему тут было радоваться? Тот, кто пришел по объявлению, меньше всего походил на сумочного хозяина. Был он худ, взъерошен, неопрятен, неухожен и смотрел как-то угрюмо. Нехорошо смотрел.

— Молочка? — спросил Феоктист Степаныч. — Хозяйка добрая, наливает. Кошачий корм вот есть. Рюмочку тоже для меня на секции держит. Я вот в скляночку перелил. Винцо знатное, кагор.

Был он сам из себя упитан и мохнат, как полагается домовому дедушке в богатом хозяйстве, и предлагал с некоторым хвастовством — вот, мол, сколь сытно живем, можем подкормить.

— Сыт, — отрубил гость, хотя и по рожице было видно — ой, голоден...

Сел он не на хозяйский диван, а на корточки, прислонившись спиной к чемоданной стенке.

— Тебе виднее. В сумочные, стало быть?

— Ну...

— А ты уже работал сумочным?

— Ну... работал.

Феоктист Степаныч врунишек не любил. За вранье и выставить мог — единойжды и навеки. Но этот растрепавроде бы как и не врал.

— Су-моч-ным! — весомо уточнил дедушка. — В дамской деловой сумке. Служил?

— В дамской — нет. А что? Такое уж сложное дело? Сколь там добра-то поместится, в той сумке? — вопрос был одновременно риторическим и презрительным. — Вся она — с гулькин нос!

— Добро-то, братец, этакое... С одними теньями для глаз намаешься, — предупредил Феоктист Степаныч. — Коробок раскрывается, а они — как мука, в ком сбита, рассыпаются, вся подкладка в пыли. Еще вот пилка для ногтей. Хозяйка ее, пилку, на место не кладет, прямо так бросает, и пилка подкладку рвет. Еще вот, скажем, блокнот — тут смотреть нужно, чтобы страницы не загибались.

— Смотреть могу, — согласился гость. — Так что — место еще не занято?

— Да ты уж третий приходишь, — сообщил дедушка. — Бабушка из пятой квартиры просилась, они там с дедом не ладили, расставаться собрались. Как в ту сумку посмотрела — ой, мамочки, говорит, тут же одной приборки не оберешься! И бумажек-то, бумажек! Начнешь выбрасывать — а вдруг дельную выбросишь? Потом еще портфельный хозяин заглядывал. У него такое горе — парнишка школу окончил, портфельчик уже без надобности, снесли на помойку. Тоже я ему сумку показал, а он чихать принялся. Аллергия у него на духи...

— А бабушка — не вернется? — решил уточнить гость.

— Не-е, не вернется. Ей там за дедом хорошо. Только телевизор смотреть не велит. А она уж пристрастилась. И сам посудит: там она — домовиха-госпожа, особа почтенная, а тут кто? Сумочная! То есть — у меня в подчинении.

— Ну так берешь, что ли?

— С испытательным сроком разве взять? — сам себя спросил дедушка. — Две недели. Идет?

— Идет.

— Тогда — располагайся. Прямо тебе скажу — кабы не припекло, не взял бы. Но она, хозяйка наша, уже из-за сумки в буйство впадать стала. Прямо голосом кричит — ничего, мол, кричит, сыскать невозможно! А сумка французская, помещений в ней шесть, больших и маленьких, и еще с другой стороны потайной карман, за ним тоже глаз да глаз нужен. Она там часто деньги носит — ну, сам понимаешь.

Феокист Степаныч шумно вздохнул.

— Коли хозяйка буянит — весь дом вверх дном, — пожаловался он. — Впору уходить, другого дома искать. А так она хозяйка добрая. Труженица! На дом денег не жалеет. Это у нас только хозяин неудачный выдался... Ну, сам сообразишь...

— Пьет, что ли? — догадался гость.

— Хуже. Ну, бездельник. Дармод. Ты его в расчет не бери. Все по-хозяйкиному делать надо. Вот еще что! Ты ко-та гонять не моги! Кот у нас серьезный, персидский. Она мне его с понятием препоручила! Принесла котеночком и так прямо, по старинке, и сказала: вот тебе, дедушка, на богатый двор мохнатый зверь, береги его, холи да лелей!

— С котом поладим, — хмуро сказал пришелец.

— Две недели тебе сроку, стало быть. А зовут как?

— Прохором.

— Располагайся, Проша. Документ имеется? Давай сюда — впишу, что взят в сумочные с испытательным сроком...

— Незачем, — отказался новоявленный сумочный. — Обойдется. Мне до пенсии еще далеко.

— Как знаешь...

* * *

Ночью, когда семья утомилась, Феокист Степаныч повел Прохора в должность вступать.

Сумка стояла в гостиной на кресле. Рядом спал большой рыжий кот.

— Вот твое место прохождения службы, — строго сообщил дедушка. — Ты запоминай! Вот этим она личико красит. Это все должно в косметичке лежать. Вот карточки — это визитки. Их в боковой кармашек складывай. Это важно! За жевательными резиночками особо смотри! Она пакетик откроет да не глядя в сумку бросит — а ты этим белым штучкам разбежаться не давай, бумажку зажми... Во! Вот это — самое неприятное. Ну да уж ты потрудишься.

— Что за дрянь такая? — удивился Прохор.

— Ну, жует она резиночку, а тут вдруг кто заявился, и жевать уж неприлично, а мусорной корзины рядышком нет. Так она скоренько — в сумку! К подкладке прилипнет — зубами не отдерешь! Или дельные бумажки между собой склеятся. Ты как увидишь — держи какую бумажку наготове и сразу в нее лови.

— Она плюет, выходит, а я — лови? — уточнил Прохор.

— А тебя, между прочим, сюда веником не гнали, — напомнил Феокист Степаныч. — Я знаю — внизу за батареей и другие объявления имеются. Вот сорок пятой квартире холодильный нужен.

— Дед, ты их холодильник видел? — Прохор до того возмутился, что прямо заорал. — Это, дед, целый город, и туда троих холодильных нужно, чтобы мало-мальский порядок держать! А они все норовят на одного навесить!

— Да, хозяин у них строгий, Поликарп Федотыч, — согласился дедушка. — Вроде меня — бездельников страсть не любит. Вот еще тридцатая квартира в холодный шкаф смотрителя зачем-то искала...

— Был.

— Ну и что же там за шкаф такой, что ему отдельный хозяин нужен? — заинтересовался Феокист Степаныч. — Я-то спрашивал — тамошний дедушка отмалчивается.

— От того шкафа он уже слезами плачет! — почему-то с весельем, чуть-чуть не со смехом поведал Прохор. — У них хозяйский сын железками балуется. У него в комнате на столе не помещаются, так он у родителей полку в шкафу выпросил. И вся эта железная дребедень по шкафу распространилась! Порядку — никакого!

— Да, железки — это опасно, — согласился Феокист Степаныч. — А ты чего это, Прохор, скалишься?

— Тамошний дед рассказывал — брожу, мол, по этим завалам, разгрести пытаюсь, вдруг за дверцей слышу: так-перетак, мамка сдохла! И дверцу — нараспашку! Он аж за сердце взялся, еле затаиться успел, сидит, охает, слезы утирает. Хозяйка-то у них добрая, душевная. Это что же за паршивец в семье вырос, плачется, матери лишился — и такие слова выговаривает! Как же теперь в доме без хозяйки-то? А парень полез в железки свои, вытянул одну и кому-то там, в комнате сидящему, так орет: что